

ЛЕТУЧИЯ ЗАМѢТКИ.

«Ч А Й К А».

Въ бенефисъ артистки Левкиной идетъ въ первый разъ комедія Ан. П. Чехова «Чайка». Театръ переполненъ. Въ первыхъ рядахъ смокинги и фраки. Въ театрѣ всѣ бенефисные завсегдатаи, не жалующіе денегъ на всегда грозныя бенефисныя цѣны на мѣста; собрались на представленіе и почти всѣ проживающіе въ Петербургѣ балетисты, обыкновенно отсутствующіе на первыхъ представленіяхъ пьесъ.

Занавѣсъ еще не поднимается. Какъ шмели, жужжить публика въ партерѣ и въ ложахъ. Дамы бенуара и бельэтажа положили уже на барьеръ ложъ коробки и посылаютъ себѣ въ ротъ конфеты. Повсюду разговоръ.

Бакенбардистъ и бородачъ въ проходѣ только-что обзрѣли въ бинокли публику ложъ, и бакенбардистъ говоритъ бородачу:

— Вы не очень уповайте на пьесу... Я слышалъ... я слышалъ, что ему даже отсвѣтывали ставить ее, но онъ не послушался.

— Плоха?—спрашиваетъ бородачъ.

— Нѣтъ, она не плоха, а она не для сцены. Въ ней превосходные, совершенно новыя характеры, но она не для сцены. Въ ней нѣтъ движенія, нѣтъ эффектовъ.

— Такъ чего актеры взяли исполнять такую пьесу? Что-же режиссеръ?..

— Имя... Литературное имя автора. Но Савина, говорятъ, все-таки отказалась. Вы видите, ея нѣтъ въ афишѣ.

— Да, да... И знаете, вѣдь это пробѣлъ. Безъ нея пьесы какъ-то...

— Тсъ... занавѣсъ.

Поднимается занавѣсъ. На сценѣ паркъ и убогая домашняя дачная сцена, сколоченная изъ досокъ.

— Что нибудь на счетъ дачныхъ актеровъ любителей... шепчетъ дама мужу купеческой складки. Ахъ, какъ я рада, что Чеховъ догадался. Давно ихъ пора отбарабанить во всю.

Очки и пенсия въ креслахъ.

— Видите, все-таки новый пріемъ... загибаетъ пенсию. Должно быть, актеры-любители. Никто еще у насъ не изображалъ этихъ расплодившихся дачныхъ любителей, играющихъ въ дровяныхъ сараяхъ и собачьихъ будкахъ.

— А вотъ посмотрите. Тутъ, действительно, много можно комическаго и горькаго выставить, отвѣчаютъ очки. Сколько великовозрастныхъ гимназистовъ бросило учиться отъ этой несчастной страсти и болтаются теперь бездарностями по провинціи, сколько женъ сбѣжало отъ мужей, побаловавшихся на сценахъ собачьихъ будокъ.

— Тсъ... Давыдовъ выходитъ.

Первый актъ кончился. Занавѣсъ упалъ при

глубокомъ молчаніи. Публика расходится въ буфетъ.

Фракъ и смокингъ. Фракъ взвываетъ провозносить:

— Тошница и орунда! Я думаю, онъ авторъ-любитель въ комическомъ видѣ представлять.

— Да вѣдь онъ и выставилъ актрису любительницу. Выставилъ драматурга-декадентъ, цѣлитъ сквозь зубы смокинга.

— Ни у кого ролей нѣтъ. Актеры паузять. Ерунда!

— Погодите... Нельзя-же судить по первому акту.

Лысый сюртукъ и косматый сюртукъ.

— Ну, что? А вѣдь пьеса-то... того... говорить лысый.

— ???! паузить, разводяруками косматый. — Но все-таки чувствуется Чеховъ, талантливый беллетристъ. Вѣдь всѣ характеры новы. Возникло въ этого члена суда, котораго играетъ Давыдовъ...

— Движенія никакого... Все какъ-то угловато, несуразно, если можно такъ выразиться.

— По первому акту судить нельзя.

— Но вѣдь безъ хлопца... Даже здѣшній пресловутый разекъ молчитъ.

— Послѣ перваго акта никогда не вызываютъ. Первый актъ всегда угловатъ и растянутъ. Въ немъ высказываются и выясняются положенія дѣйствующихъ лицъ.

Губастый театральнй рецензентъ съ воспаленными глазами тешдущиому челоуѣку въ черпазавонѣ пенснѣ.

— Вотъ вашъ хваленый авторъ! Вотъ вашъ хваленый беллетристъ! Паденіе, полное паденіе. Чортъ знаетъ, что онъ тутъ нагородилъ! авторитетно брызжитъ рецензентъ.

— Но погодите-же по первому-то акту судить, слышится возраженіе. — Мы все-таки видѣли новыя, отлично намѣченные характеры.

— Чорта-ли въ нихъ, въ новыхъ характерахъ, если пьеса проваливается! Нѣтъ, исписался! Довольно! Вѣдь нѣкоторыхъ на очень немногo хватаетъ!

— Пустяки! Вы давно на него озлоблены. Вы противъ него зубы нѣбете.

— Скучно, Митрофанъ Ивановичъ, шепчетъ жена мужу купеческой складки на вопросъ его: «ну, что? ну, какъ?»

— Погоди! Въ слѣдующихъ актахъ Давыдовъ и Сазоновъ расчлѣшатъ.

Послѣ втораго акта.

— Слышите? Публика-то пошныкиваетъ, говоритъ лысый сюртукъ. — Да и на самомъ дѣлѣ, второй актъ по моему...

— Да... отвѣчаетъ косматый сюртукъ. — Но все-таки, пьеса литературная вещь.

— Позвольте... Но моему, тутъ нѣтъ пьесы, а ужъ комедіи и подавно, а на афишѣ: комедія.

— Винавать... И не такъ выразился. Дѣйствительно, пьесы и комедіи нѣтъ, но все-таки, это литературное произведеніе...

— А публика-то? Слышите? Опять... Положимъ, сдержанно шикаетъ, но...

— Здѣшняя публика привыкла къ рутинѣ, а въ произведеніи Чехова рутинѣ-то и нѣтъ. Ей нужны банальности, а ихъ-то и нѣтъ. У насъ публика привыкла къ извѣстному шаблону, а шаблона тутъ и не нѣбется.

Въ разговоръ ввязывается пожилой полковникъ.

— Однако, мой милый Петръ Петровичъ, если я плачу большія бенефисныя деньги, то дай мнѣ и тотъ шаблонъ, который мнѣ нравится, говоритъ онъ. — Да и актеръ спусти рукава играютъ.

— Вотъ съ этимъ я согласенъ, подхватываетъ косматый. — Хотя Сазоновъ и Давыдовъ дѣлаютъ все, что можно. Но нельзя выпускать такую актрису, какъ Комисарженская, сразу на такія роли. Да и вообще... Читаетъ она недурно, но у ней фигуры нѣтъ. Лицо ея маленькое, безъ выраженія...

Бакенбардистъ и бородачъ.

— Не узнаю Чехова. И какъ это мнѣ горько за него! говоритъ бородачъ.

— А я такъ напротивъ: узнаю. Онъ весь тутъ, отвѣчаетъ бакенбардистъ. — Всегда онъ старался давать новыя, неотречанныя типы, такъ и теперь. Все ново, но онъ хотѣлъ порiginalничать, провести новыя формы. Вѣдь въ первомъ-же актѣ онъ говоритъ устами сына актрисы о новыхъ формахъ для драматическихъ произведеній — вотъ онъ, эти-то формы.

— Однако, пьеса не смотрится. Актеры стараются играть, и при этихъ новыхъ формахъ у нихъ не выходитъ никакого ансамбля. А что до типовъ, то развѣ это типъ, молодая дѣвушка нюхающая табакъ! Это даже не характеръ... Просто единичный случай, который, можетъ быть, гдѣ-нибудь видѣлъ авторъ, а единичные случаи не выставляются. Вѣдь такая нюхающая дѣвушка развѣ въ сотняхъ тысячъ дѣвушекъ одна найдется.

— Да... Это неудачно. Но вѣдь пьеса еще въ половинѣ, подождете ея окончаніи, тогда и будете судить.

— Однако, вы слышали? Вѣдь шикали.

— Э, батенька! И Золя шикали, когда онъ ставилъ свои пьесы! Пьеса неудачна, но...

Они проходятъ въ буфетъ.

Н. Лейкинъ.